

Красильникова Мария Владимировна

ИДЕЯ "НОВОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ" В ФИЛОСОФИИ АНДРЕЯ БЕЛОГО

В статье рассматривается идея "новой общественности", развиваемая ведущим представителем символизма в России Андреем Белым. В этой идее отразились, во-первых, его жизнетворческая установка на формирование культуры социума как культуры духа, а во-вторых, гуманистически-ценностные и индивидуально-личностные представления о назначении и сущности социальных преобразований в обществе. На протяжении творческого пути поэта эта идея им уточняется, дополняясь символической, антропософской, революционной и конкретно-идеалистической трактовками.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/9/22.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 9(71) С. 91-95. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 1(091)

Философские науки

В статье рассматривается идея «новой общественности», развиваемая ведущим представителем символизма в России Андреем Белым. В этой идее отразились, во-первых, его жизнетворческая установка на формирование культуры социума как культуры духа, а во-вторых, гуманистически-ценностные и индивидуально-личностные представления о назначении и сущности социальных преобразований в обществе. На протяжении творческого пути поэта эта идея им уточняется, дополняясь символической, антропологической, революционной и конкретно-идеалистической трактовками.

Ключевые слова и фразы: новая общественность; индивидуум; община; индивидуалистический коммунизм; теургия; внесловное братство; гуманософизм; самосознание.

Красильникова Мария Владимировна, к. филос. н.
Раменское приборостроительное конструкторское бюро
marikras123@yandex.ru

ИДЕЯ «НОВОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ» В ФИЛОСОФИИ АНДРЕЯ БЕЛОГО

Идея «новой общественности» выдвигается Андреем Белым (Борисом Бугаевым) (1889-1934), известным российским поэтом, писателем и публицистом начала XX века, неформальным главой символизма второй волны («младосимволизма»), с целью выявления индивидуально-личностного соотношения природы человека и гармонизации его взаимоотношений в обществе. По его мнению, необходимо изменить механистический (чисто формальный) и нивелирующий человеческую индивидуальность взгляд на общественное устройство. Для этого он предлагает особый (благодатный) вариант развития человека, России, человечества. Последний был сопряжен с необходимостью преодоления, во-первых, субъективизма в трактовке социальных явлений, а во-вторых, мертвенности современной цивилизации путем возрождения души в Духе и проведения синтеза между творчеством и познанием, наукой и религией, бытием и сознанием.

Революционная по своей направленности, эта идея совпадает с проходящими в обществе начала двадцатого века революционными процессами и кризисными явлениями, которые, по замыслам «младосимволистов», должны быть ознаменованы рождением новой культуры как культуры духа, способствующей проявлению творческих сил человека, народа, человечества. Это требовало существенного пересмотра взглядов на социальность в позитивистском, идущем от О. Конта, Г. Спенсера, К. Маркса и др. социальных мыслителей, значении и появления радикально новых представлений о коммунальной жизни или способах взаимоотношений в обществе.

В основу новой социальной линии символизма Андрей Белый кладет идею «всеединства» В. С. Соловьева, учение об «эволюционной монадологии» своего отца, математика и философа Н. В. Бугаева, и главную установку из книги Нового Завета (Откровение Святого Иоанна. Главы: 21, 22), где говорится о «новом небе и новой земле», а также о «древо жизни <...> для исправления народов». При этом теоретик символизма дает характеристику религии, уподобляя ее «дереву не умерщвляющему, а оживляющему», всегда «предвкусывающую» новые формы жизни [12, с. 331].

По А. Белому, есть два вида взаимоотношений между людьми: общинное (братское, основанное на понимании внутреннего «Я», гармоничное слияние родственных душ) и общее (механистическое, основанное на теории прогресса, «проглатывающее всякую личность») [Там же, с. 328-329]. Попыткой реализации первого вида взаимоотношений сначала в своей творческой деятельности, а затем в жизни общества в целом и объясняются его поиски в данном направлении.

На первом этапе формирования этой идеи, формулируемой как «соборности» или «коммуны», объединяющей близких по духу поэтов-единомышленников, А. Белый противопоставляет формальному (бессмысленному) подходу к осуществлению государственной властью своих полномочий интимно-религиозный и творчески-преобразовательный. В его статьях и творческой деятельности (как поэта, писателя, музыканта и художника) это выражается, во-первых, в развиваемой идее теургии, восходящей к теократическому учению В. С. Соловьева и заключающейся в мистериальном слиянии искусства и жизни с целью более глубокого познания, преображения и пересоздания последней [Там же, с. 441], а во-вторых, в раскрытии индивидуально-личностного потенциала человека и общества.

Реализовать свои замыслы он предполагает с помощью «представлений о религиозной общине», «духовно-революционном преодолении всех традиций <...>, понятия общества, личности, искусства, банального индивидуализма в творимую новую культуру» или «в индивидуально-социальную фазу» [Там же, с. 430]. Одной из попыток осуществления идеи «коммуны», именуемой «братством» или «сообществом объединенных культурой внутренней жизни индивидуальностей, созидających и сотворяющих новую преображенную действительность», являлась деятельность литературно-художественного кружка «аргонавтов» начала XX века (А. Белый, А. Блок, С. Соловьев, Эллис (Лев Кобылинский), Л. Д. Менделеева и др.) [Там же, с. 440].

В своих воспоминаниях «Почему я стал символистом и почему я не переставал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития» (1928) Борис Николаевич Бугаев (настоящее имя поэта) пишет: «...словами кивали мы друг другу, минуя наши личины-личности: от индивидуума – к индивидууму; индивидуальное – неизбежно в общее значение слова; общие слова пусты; и тем не менее – иные субъекции обобществимы в необщем смысле: обобществимы в коммуне...» [Там же, с. 431-432].

В этом же социально-этическом смысле («два рода жизней, пересекаемых в третьей») мыслитель трактует и понятие «символ», когда «третье» является «результатом соединения нашей индивидуальности (как внутреннего, или нашей сущности – М. К.) и личности (как внешнего, или личины-маски – М. К.) «само» в самосознающем “Я”» [Там же, с. 428].

Именно в силу такого соединения, по его мнению, «...никакое “Я” по прямой линии невыражаемо в личности, а в градации личностей, из которых каждая имеет свою “роль”...». Неповторимость же индивидуума («всегда коллектива») проявляется лишь в сочетании разных особенностей его внутреннего «Я». Непонимание этого в нашей социальной жизни, приводящее к оценке и себя, и других в рамках поведения «личности», а не «индивидуальности», является причиной отсутствия у большинства «всяких» представлений о ритме жизни с другими, что делает наши суждения о своих ближних превратными и является «роковым законом гибели всех обществ, коммун, кружков, коллективов» [Там же].

Пытаясь разрешить вытекающую отсюда проблему (разобщенности), поэт-философ утверждает «индивидуум» в качестве «социального целого», выдвигая идею о наилучшем его проявлении в «церкви» или «общине-индивидууме», где бы могли «разрешиться противоречия многих личностей в самосознании каждого» [Там же, с. 421]. Как особо отмечает здесь А. Белый, для него быть «социальным реформатором (вернее преобразователем)» – «вопрос принципиальный», так как в противном случае он «не символист, а субъективист» [Там же]. «Волимая» им «новая социальность» – это «путь нового соединения – в сложении новой культуры; то есть путь поколений, а не написание системы; но этого не понимает никто из тех, с кем я дружу...» [Там же, с. 431-432].

На втором этапе формирования идеи «новой общечеловеческости» последняя теряет свою чисто эзотерическую или мистериальную окраску, приобретает общечеловеческие черты.

Причинами такой идейной эволюции являются, во-первых, нежелание, как предполагал поэт-мыслитель, соратников по символистскому лагерю «выйти из замкнутой литературной школы», о чем он повествует в статье «Проблема культуры» (1910) [Там же, с. 22], а во-вторых, разочарование в возможности эстетического или теургического воплощения искомого поэтом общинного подхода к миру в искусствах (статья «Против музыки», 1907) [11]. Так, если до 1909 г. основная деятельность Андрея Белого – философа была направлена в большей степени на анализ творческого социально-обусловленного метода познания мира, то в дальнейшем он переходит к раскрытию «организма организации», то есть к реализации внутреннего устройства социально-значимых отношений людей в обществе с целью их преобразования и совершенствования. Эта идея, как пишет Э. И. Чистякова, дает возможность мыслителю по-новому соединить знание и личность, выйти на понимание рациональности как Самосознающего сознания, а сознания как «рычага, переворачивающего всю действительность» [15, с. 545].

Новое понимание творческой деятельности, ставшее неразрывным *целым с творчеством всего народа*, А. Белый выражает в статьях «Настоящее и будущее русской литературы» (1909), «Магия слов» (1910), «Смысл искусства» (1910), «Будущее искусство» (1910), «Луг зеленый» (1910), «Культура мысли» (1920), «Кризис культуры» (1920), «Философия культуры» (опублик. в 1987) и др.

По этому поводу, в частности, В. Г. Белоус, современный исследователь эпохи Серебряного века, пишет, что одним из ведущих мотивов с начала 1910-х годов для А. Белого становится тема России, отсюда «наступающая эпоха интерпретируется» им через «пришествие Логоса-символа в каждое “Я” и преодоление в “огневой стихии” косных форм государственности и общечеловеческости на пути к возвращению к принципам и традициям Возрождения и Гуманизма» [4, с. 441].

Подтверждением этого вывода является выбранное мыслителем в его учении о символах мира в качестве ключевого термина понятие «связь». В своем письме к Иванову-Разумнику (1910), известному литературоведу и социологу, с которым они были идейно связаны в эти годы, А. Белый пишет, что как бы ни был ценен индивидуально-мистический путь, дающий много материала для анализа внутренней жизни, но это не есть «путь», пока он не включит в себя проблему «внешнего мира» [3, с. 487]. Так им была намечена «линия двух встреч», когда «индивидуальный путь пересекается с коллективным, а путь уединенный становится путем общественным, так как в внутреннему преображению нельзя идти, не преобразив общества» [Там же].

С этого момента в теоретических работах и литературных трудах писателя на первый план выводится не эстетическое (как было изначально), а этическое начало, а развиваемая таким образом социальная идея направляется на реализацию *жизненного творчества в процессе рождения нового человека в эпоху, когда различие между творчеством и жизнью совершенно исчезнет*. А пока, как он пишет, если художник «хочет остаться художником, не переставая быть человеком, он должен стать своей собственной художественной формой» [12, с. 144-145] (статья «Будущее искусство»). Отсюда по-новому А. Белый начинает трактовать и понятие «мистерии» – как формы соборного творчества, но при учете ведущей роли индивидуального начала.

Понимание личности как основной культуuroобразующей единицы приводит ведущего российского теоретика символизма к увлечению антропософским учением Рудольфа Штейнера (1912) и участием (вместе с А. А. Тургеневой, женой поэта) в строительстве антропософского храма Иоанна в Дорнахе (Швейцария) [1, с. 447]. При этом увлечение антропософией как религиозно-мистическим учением или наукой о духе воспринимается А. Белым, прежде всего, с точки зрения возможности реализации его прежних мистериально-теургических стремлений по переустройству социальных взаимоотношений в обществе. В этом плане его особенно привлекают внимательное отношение Р. Штейнера к человеческой индивидуальности, а также опора в учении о духе и духовном мире последнего на такие признанные в культуре авторитеты, как Шиллер и Гете [14, с. 88]. Главные же надежды А. Белый возлагает на идею «антропософской общины» [12, с. 462], с помощью которой в дальнейшем он будет осуществлять родственную последней идею о «внесловном братстве» [13, с. 224].

Под влиянием идеологии Р. Штейнера, его представления 1905-1907 годов о «внутренней общине» выливаются в поиск «внутренней школы как пути посвящения в жизнь, создающей условия для искомой социальности», проводимые при поиске «руководства на путях духовного знания» [12, с. 450].

Трактуя сознание как рычаг, переворачивающий всю действительность, в своем творческом методе А. Белый выводит особый подход к миру под названием «гуманософизм», основные подосновы которого вновь восходят к антропософии. В незавершенном труде «Душа самосознающая» (начат в 1925) он именуется гуманософизм «религией свободного человечества» или «органом третьего», «духовным началом», приравняемым к «сознанию, взятому как самосознание» [7, с. 459].

Стремление к практической реализации постулируемых социально-эсхатологических лозунгов способствует также активному включению А. Белого в культурное строительство уже Советской России. Это выражается, например, в чтении курса лекций в Пролеткульте – массовой культурно-просветительской и литературно-художественной организации пролетарской самодеятельности при Наркомате просвещения (1917-1932). Однако, работая здесь, мыслитель принципиально не принимает «механистического коллективизма <...> нивелирующего личность отдельного человека» [14, с. 89], преобладающего здесь, а его усилия направляются на выявление потенциала творческой личности в каждом коллективе, идеалом которого продолжает выступать братство, состоящее из индивидуальностей. При этом общие его теоретические и практические устремления с особенной силой направляются на духовное преображение России, всего мира и каждой индивидуальной личности «в огне революции» [Там же]. В результате, как пишет поэт-символист Иванов-Разумнику, уже через год (в августе 1919 года) его «ушли» из Пролеткульта «за “моральную связь”, как мне кажется, со слушателями» [3, с. 178].

В дальнейшем свои планы по переустройству общества и воплощению в жизнь идеи искания братства Борис Бугаев пытается реализовать в «Вольной Философской Ассоциации», философском обществе в Петрограде, существующем с 1919 по 1924 год и руководимого им (вместе с Ивановым-Разумником) вплоть до отъезда в Германию (1922). При этом здесь им ставится задача превращения антропософии «просто в общественность» [1, с. 471], то есть перехода от поверхностного (чисто рационалистического) восприятия антропософско-синтетических идей к их жизненно-реалистической интерпретации. В целом же, как пишет А. Белый, «Вольфила» являлась для него своего рода «локальным воплощением» мечты о «воплощении духа», осуществляющимся в рамках достаточно узкого и замкнутого в себе культурного сообщества «посвященных», но «открытого любим перспективным, “вольным” идейным веяньям, концепциям, исканиям» [3, с. 13-14].

Свои новые и, по сути, эсхатологические замыслы А. Белый излагает, в частности, в статье «Революция и культура» (1917), где он пишет, что «лежащие в будущем формы общественной жизни, осуществленные революцией-собственно, не суть вовсе формы какой-нибудь “большевистской” культуры, а – вечносущее, скрытое под формальной вуалью искусств <...> Царство нашей свободы, осуществимое в будущем, уже здесь <...> Его формы, обставшие нас, рассмотримы по плотности, т.е. по толще завесы, скрывающей подлинный лик мира будущей жизни...» [1, с. 486]. Последнее находит отражение в изложении им «надмирного» – «сверх»- и «надисторического» – значения уже революционных событий как приобретающих аллегорическое значение «вселенской мистерии», с которой он соотносит легенду о воскресении Христа как акте мировой драмы и всеобщего преображения [2, с. 340-341].

Идею так трактуемой социальности (как революции «духа») А. Белый реализует, прежде всего, в своем литературном творчестве. В сборнике стихотворений «Королева и рыцари. Сказки» (1919) он выражает это в переходе от мрачного отчаяния «Урны» (1909), своего предыдущего сборника, к сознательности «Звезды» или к «живой жизни», где «жизнь звучит сказкою» [14, с. 29]. В его теоретическом наследии это находит отклик в высказывании о нашей «идеальной деятельности» при создании «понятий» [9, с. 42] («О смысле познания», 1916), а также во взглядах на идею социальности как на эволюционный монизм или «плюро-дуо-монизм», ведущий к изучению ритмов социальной сюн-ритмии или сюн-эргии (от слова «эргон», или «дело») [12, с. 470].

Каббалистическое по своей направленности решение идеи «новой общественности» также нельзя назвать неожиданным. Ведь прямым или опосредованным влиянием мистицизма каббалы были наполнены произведения многих философов и деятелей культуры как Средних веков, так и Нового времени. В их ряду следует упомянуть имена Пико делла Мирандолы, Агриппы, Парацельса, Я. Беме, Г. В. Ф. Гегеля, В. С. Соловьева, Н. К. Бердяева, К. Юнга, М. Бубера и др. В России это влияние отразилось на распространении социологической проблематики, развиваемой религиозными философами конца XIX – начала XX века.

В творчестве Андрея Белого позднего периода, как было сказано, это влияние усиливается по причине его увлечения антропософией, включающей в себя элементы манихейства, каббалы, гностицизма и веданты.

Такое решение объясняется и несомненным влиянием на социально-синтетическую парадигму поэта-мыслителя рационального мистицизма Платона, и особенно так называемого платоновского пифагореизма, отразившегося в представлениях об «одном» или «едином» (у А. Белого «моно»), в «свете которого прозревается многое» [16, с. 306] (у А. Белого «плюро»).

По этому поводу поэт-символист в своем докладе, прочитанном в 1920 году во Дворце искусств (Москва), под названием «Философия культуры» отмечает, что «смысл культуры» заключается в сочетании «единства в многообразии». При этом данное «единство» он характеризует как «одновременное существование индивидуальных сознаний, не растворяющихся абстрактно в общей сложности» [12, с. 323]. А в неопубликованной при жизни писателя-символиста работе «История становления самосознающей души» (глава «Антропософия») он называет последнее «... композицией, или солежанием, многого в одном <...> соединении сознаний в самосознании...» [7, с. 464-465].

Однако незадолго до этого А. Белый дает и другую трактовку идеи «новой общественности». Об этом можно прочесть в «Дневнике писателя» (1919), где поэт-философ пишет, что, несмотря на то, что первостепенную значимость для него обретает не «Петербург», «Москва» или «Россия», а «мир», в этом «мире» его, «как и прежде, в первую очередь волнует “Я” человека, переживающего в данный отрезок времени катастрофу сознания...». И именно в столкновении «мира» и «Я» он усматривает «мистерию человеческих кризисов, происходящую в сокровеннейших переживаниях духа» [6, с. 121]. События, происходящие в психической жизни индивидуума, в его «Я» он воспринимает «адекватными тому, что происходит в мире внешнем – в истории, во Вселенной, в космосе» [Там же, с. 131].

Отрицая, таким образом, «современность» (письмо А. Белого к своему издателю Эмилию Метнеру [10, с. 519]), главную роль в утверждении положительных начал или «идеальных моментов жизни духа» мыслитель-теург отводит идеям, которые собирается изложить в итоге так и ненаписанном романе «Невидимый Град» [13, с. 238].

Отсюда для общественной позиции А. Белого после Октябрьского переворота было характерно колебание между трезвым осознанием фактов, слагавшихся в картину глобальной социальной катастрофы, и верностью мистериально-утопическому революционаризму. Неизменной оставалась только основная – социально-синтетическая в ее духовно-преобразовательном смысле – линия. Согласно последней, следует лишь на время отодвинуть сроки претворения жизнетворческих планов по пересозданию общества.

К таковым относился план решительного отвержения разделения мира (в культурно-историческом и философском смыслах) на «Запад» и «Восток», восходивший вновь к идее «всеединства» В. С. Соловьева. Это условное и неоднозначное по своему содержанию деление объявляется А. Белым выражением раскола между плотью и духом, головой и сердцем, культурой и цивилизацией, разными народами и расами. А «Восток» и «Запад» он именуется «треснувшими каркасами умершей культуры, из середины которой мы выходим в борениях нашей совести, в падении великолепных соборов ее, в мировой войне, в мировых безумиях, в революции, нас влекущей к Голгофе...» [5, с. 169-170]. Преодоление деления мира на «Запад» и «Восток» мыслитель усматривает в «синтезе, в переработке всего материала истории», то есть в «...разбитии всех границ; в преодолении “стражей порогов” в свободу Христову», или в – «Одном» [Там же, с. 170-172].

В рамках такого метафорического толкования социальных проблем надежды на возрождение идей «духовности» отныне А. Белый связывает с «Россией будущего, Россией № 3», которой, как он пишет в своем письме к Иванову-Разумнику, будет адресовывать все то, что писалось без надежды на опубликование и предназначалось для прочтения в узком кругу друзей и единомышленников, по его выражению, – «нецензурное» [3, с. 18-20].

В этом же письме он упоминает свой последний вариант идеи «новой общественности» – «конкретный идеализм», согласно которому история человечества, если и нуждается в кризисах, то единственно для того, чтобы почувствовать потребность в самосовершенствовании и призвании не к внешнему изменению форм жизни, а к модернизации духовной сущности индивидуума [Там же]. Эту концепцию А. Белый продолжает развивать в своих работах философско-культурологической направленности начала и середины двадцатых годов XX в. Так, в статье «Культура мысли» (1921) он пишет, что проблема культуры – это «проблема восстановления, соединения, сложения, индивидуализирования того, что нам дается в разрозненностях...», и дело культуры «есть дело воскресения, всеобщего воскресения в царство сознания и смысла всего того, что развернуто вокруг меня и что есть не что иное, как мои отдельные части» [7, с. 522-523].

Иллюстрацией этой идеи выступает другое высказывание А. Белого этого времени по поводу «интериндивидуальности» Александра Блока, являющегося, как и «все национальные поэты, органом самосознания некоего коллектива и выражающего стремления и философские чаяния в своей конкретной философии. Ведь философом призван называться не тот, кто пишет абстрактные книги, а тот, кто свою философию переживает во плоти» [8, с. 478-479].

Отсюда можно сделать вывод о неизбежности для Андрея Белого развиваемой им на протяжении всего его творческого пути идеи поиска подлинных, то есть духовных или общинных, а не общих или чисто формальных, взаимоотношений в обществе. Направлена же она была на рождение новой культуры, которую мыслитель именуется культурой духа или индивидуально-социальной фазой. Без учета индивидуальных проявлений духа личность человека пуста и обращается в видимость личины-маски. Понятие индивидуума в собирательном смысле (самосознающая душа) при условии его проявления в общине-индивидууме – это одновременно творческая, принимающая на себя ответственность за судьбу своей Родины и мира в целом личность.

Для А. Белого, избравшего евангельские постулаты в качестве своего основного жизненного ориентира, такое понимание задач социальности является ключевым и раскрывающим главную суть развиваемой им идеи «новой общественности». В этом же следует усматривать ее основную значимость и в наши дни. Истоки такого отношения к миру уходят в глубокое прошлое. Например, к социальным трактатам и этическим концепциям Э. Роттердамского, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, И. Канта, Г. Зиммеля, Р. Штамллера, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, В. С. Соловьева и др.

Главным же достоинством данной идеи, с нашей точки зрения, является ее нацеленность не на внешние, а на внутренние изменения в социуме, на преобразование общественной организации с точки зрения придания ей черт более внимательного и в этом смысле гуманного отношения к человеку, его стремление к духовности, нравственно-эстетическому восприятию мира и потребности в самосовершенствовании, поиск взаимопонимания и созидания на этой основе новой преображенной действительности. Такое отношение предполагает направленность на реализацию ценностного и многообъективного подхода в процессе решения общемировых проблем.

Именно поэтому вселяет надежду взятый с недавних пор курс российского правительства, демократический по своей направленности, на выбор в качестве приоритета государственной политики усовершенствований в области образования, науки и всевозможных межкультурных взаимосвязей и межэтнических взаимодействий.

Список литературы

1. Александр Блок, Андрей Белый. Диалог поэтов о России и революции / сост., вступ. ст., коммент. М. Ф. Пьяных. М.: Высшая школа, 1990. 687 с.
2. Александр Блок и Андрей Белый. Переписка // Летописи государственного литературного музея. М.: Литературный музей, 1940. Кн. 7. 444 с.
3. Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб.: Феникс, 1998. 733 с.
4. Белоус В. Г. Андрей Белый и его роман «Москва» в эпистолярном наследии Р. В. Иванова-Разумника 1930-х гг. // Москва и «Москва» Андрея Белого. М., 1999. С. 440-551.
5. Белый А. Восток или Запад // Эпоха. М.: Мосполиграф, 1918. Кн. 1. С. 163-210.
6. Белый А. Дневник писателя // Записки мечтателей. Петербург: Алконост, 1919. № 1. С. 119-132.
7. Белый А. Душа самосознающая. М.: Канон+; ОИ «Реабилитация», 1999. 560 с.
8. Белый А. О Блоке / вступительная статья, составление, подготовка текста и комментарии А. В. Лаврова. М.: Автограф, 1997. 608 с.
9. Белый А. О смысле познания. Мн.: Полифакт, 1991. 64 с.
10. Белый А. Письмо к Э. Метнеру от 26 декабря 1912 г. // Белый А. Петербург. Л.: Наука, 1981. С. 511-522.
11. Белый А. Против музыки // Весы. М.: Скорпион, 1907. № 3. С. 57-60.
12. Белый А. Символизм как миропонимание / сост. вступ. ст. и примеч. Л. С. Сугай. М.: Республика, 1994. 528 с.
13. Долгополов Л. На рубеже веков. О русской литературе конца XIX – начала XX века. Л.: Советский писатель, 1985. 352 с.
14. Таран Е. Г. Вокруг «Алконоста». М.: Аграф, 2011. 224 с.
15. Чистякова Э. И. Жизнь по законам вечности // Белый А. Душа самосознающая. М.: Канон+; ОИ «Реабилитация», 1999. С. 539-557.
16. Энциклопедия мистицизма / гл. ред. А. Семенов. СПб.: Литера; Виан, 1997. 480 с.

“NEW COMMUNITY” CONCEPTION IN ANDREI BELY’S PHILOSOPHY

Krasil'nikova Mariya Vladimirovna, Ph. D. in Philosophy
 Joint Stock Company “Ramenskoye Instrument-Engineering Design Bureau”
 marikras123@yandex.ru

The article examines “new community” conception developed by the major representative of symbolism in Russia Andrei Bely. Such an approach represents, firstly, his creative purpose to form the social culture as a culture of spirit and, secondly, the humanistic value and personal conceptions of purpose and essence of social transformations in the society. Over the poet’s creative life this conception has been clarified and supplemented with the symbolic, anthroposophical, revolutionary and concrete-idealistic interpretations.

Key words and phrases: new community; individual; community; individualistic communism; theurgy; non-class brotherhood; anthroposophy; self-consciousness.

УДК 7.036

Искусствоведение

Статья посвящена взаимосвязи самодеятельного и профессионального искусства, а также дефиниции «самодеятельное искусство» в контексте деятельности Ленинградского ИЗОРАМА в 1920-1930-е гг. Основная сложность заключается в выделении стилевых и художественных особенностей любительского, наивного и самодеятельного искусства как самостоятельных критериев. В статье сделана попытка определения самодеятельного искусства на основании текстов современников и исследователей творчества Ленинградского ИЗОРАМА.

Ключевые слова и фразы: ИЗО рабочей молодежи (ИЗОРАМ); самодеятельность; профессиональное искусство; любительское искусство; художники; терминология; производство; клубы; кружки.

Кривда Егор Михайлович

Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина (РАХ)
 krivdae@yandex.ru

**К ВОПРОСУ О САМОДЕЯТЕЛЬНОМ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ
 (В РАМКАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЕНИНГРАДСКОГО ИЗО РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ)**

Появление Ленинградского ИЗОРАМА во многом обусловлено социально-экономическими преобразованиями и реформами в области культуры, а также сменой эстетических взглядов и поисков в области искусства. Зародившийся в середине 1920-х гг. в среде самодеятельных рабочих клубов этот коллектив